

Керамический комплекс как объект планиграфического анализа

ЮДИНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
Уральский федеральный университет (Екатеринбург), Россия
e-mail: kveten@gmail.com

В общем виде пространственный анализ подразумевает изучение взаиморасположения неких объектов или имеющих пространственную привязку блоков информации и выявление закономерностей, отразившихся в их пространственном распределении. Он может быть использован в т.ч. при рассмотрении различных категорий находок (планиграфический анализ), их выборки, структурированных согласно любым принципам классификации, удобен для интерпретации разноплановой информации (результатов естественнонаучных анализов и т.д.) [Разгильдеева, 2012; Jerand etc., 2016 и др.]. Это почти универсальный инструмент интеграции данных, если их в случае возможности эти данные локализовать в пределах изучаемого пространства.

Поскольку анализ расположения объектов позволяет привлекать в процессе их сопоставления все имеющиеся по ним сведения, выбор источников в некоторой степени определяет характер результатов. В случае планиграфического анализа керамических комплексов объем доступной информации значителен, кроме того, она имеет свою специфику, что подразумевает возможность изучения, в т.ч., тех аспектов, которые остаются слабо освещенными при привлечении других категорий источников [Hiekkanen, Seger, 1988; Pesonen, 1995 и др.].

При анализе распределения фрагментов керамики их свойства рассматриваются либо как индивидуальные характеристики, либо как основание для систематизации материала.

В первом случае фрагменты рассматриваются как самостоятельные объекты, обладающие набором индивидуальных характеристик. На основе локализации выбранных показателей в пространстве формируется «поле», отражающее количественные колебания относительно выбранного уровня (среднего, нулевого и т.д.) или его качественное разнообразие. Некоторые наиболее часто учитываемые характеристики:

- Наличие артефакта (есть/нет; вариант - количество фрагментов на единицу площади);
- Размер фрагментов (варианты – средняя площадь поверхности фрагментов на единицу площади участка, суммарная площадь поверхности всех фрагментов на единицу площади участка);
- Вес фрагментов (вариант – общий вес фрагментов на единицу площади) и т.д.

Во втором случае учитываемые характеристики рассматриваются как основание для предварительной систематизации материала. Используются разные способы группировки с последующим анализом расположения элементов одной группы, а также элементов разных групп относительно друг друга. Наиболее часто применяемые основания для группировки:

- Объединение частей единого целого (т.н. «метод связей»);
- Объединение по целым изделиям, затем - группировка в соответствии с теми или

иными характеристиками изделий (любые параметры описания и сопоставления керамических артефактов).

Обычно привлекается не весь потенциально доступный спектр данных. Состояние конкретного источника не всегда позволяет извлечь всю искомую информацию, но не всегда и требует этого для решения поставленных задач. Однако при увеличении лакун в источнике ситуация предсказуемо меняется: поиск дополнительной информации перестает быть избыточным, спектр привлекаемых данных расширяется.

В качестве иллюстрации кратко охарактеризуем алгоритм и некоторые результаты пространственного анализа распределения керамики, произведенного в условиях отсутствия данных индивидуальной фиксации предметов коллекции.

Объектом анализа послужил керамический материал из погребения 1 Барсовского II могильника (Сургутский район, ХМАО - Югра, Тюменская область; энеолит). Могильник исследовался в 1973-74 гг. Методика полевых работ соответствовала требованиям своего времени, что в настоящее время ограничивает возможности пространственного анализа и актуализирует привлечение дополнительных данных.

Могильник был выявлен в ходе исследований многослойного памятника Барсов Городок I/6 (работы экспедиции ПНИАЛ УрГУ под руководством Ю.П. Чемякина): под слоями эпохи средневековья и раннего железного века были обнаружены три погребения, заполненные охрой [Чемякин, 1980]. Погребение 1 (Рис. 1А) представляло собой яму неправильной, близкой к овальной формы размерами 205 x 70 см, глубиной 35 см от уровня современной дневной поверхности (около 20 см от реконструируемого уровня древней дневной поверхности). В заполнении погребения было зафиксировано три скопления фрагментов керамики, шесть скоплений углистых плашек, два скопления остатков обожженных костей, отщеп и фрагмент каменного наконечника стрелы.

На момент начала работы мы располагали следующими данными.

1. Полевые материалы. Фиксация находок производилась не индивидуально, а по скоплениям. Их локализация документировалась графически.

При внесении в коллекционную опись каждая находка получила индивидуальный шифр. Для нее указывалось скопление, к которому она принадлежала, участок и глубина залегания скопления.

2. Данные инвентаризации коллекции. В 1993 г. коллекция находок была передана на хранение в фонды МБУК «Сургутский краеведческий музей». В 2014 г. в ходе инвентаризации предметов музейной коллекции их количество составило 174 единицы (в том числе 172 фрагмента керамики). Повторный анализ материалов позволил говорить о присутствии в керамическом комплексе погребения 1 обломков не менее чем от пяти емкостей (Рис. 1Б), три из которых представлены единичными черепками [Дубовцева, Тонкушина, Юдина и др., 2016]. Поскольку исходных данных для планиграфического анализа было недостаточно, для каждого фрагмента помимо уточнения возможности ремонта была замерена площадь поверхности, отмечено наличие охры, нагара и следов ремонта.

Анализ распределения материала внутри погребальной камеры основывался на сопоставлении выделившихся естественным образом «групп» материала – зафиксированных в ходе полевых работ скоплений (в нашем случае это был единственный вариант группировки, подкрепленный полноценной пространственной характеристикой). Сопоставление скоплений проводилось с учетом следующих индивидуальных характеристик составлявших их черепков: наличие охры, нагара и следов ремонта на поверхности, площадь поверхности, принадлежность к тому или иному

сосуду [Юдина, 2017].

На уровне отдельных фрагментов такие показатели, как наличие охры, нагара, следов починки оценивались по факту наличия (есть/нет), на уровне скоплений - в форме суммарного количества обладающих конкретным свойством черепков и их процента от общего числа единиц.

Площадь поверхности фрагментов послужила основанием для разнесения материала по размерным группам [Глушков, 1996, с. 88-89; Цетлин, 1991, с. 25-29]. Впоследствии это позволило оценить вероятность перемещения материала в процессе формирования и археологизации комплекса, а также предположить характер таких перемещений. На уровне скоплений этот показатель учитывался в форме доли фрагментов разных размерных групп. В той же форме - процента от общего числа - были представлены данные по принадлежности входящих в скопление фрагментов к разным емкостям. Кроме того, были рассмотрены «связи» между скоплениями, в которые входили части одних и тех же изделий.

Сопоставление групп по всем перечисленным параметрам выявило сочетания признаков, формирование которых, исходя из природы самих показателей, требовало или, наоборот, исключало определенные ситуации или их последовательность. В результате удалось уточнить или предложить альтернативную реконструкцию некоторых элементов и стадий формирования комплекса.

1. Уголь относился к нижнему и придонному заполнению камеры. Для скопленных кальцинированных костей в описи указан диапазон глубин от уровня верхних очертаний камеры до ее дна, однако на сводном плане погребения показано, что в центральной части, где расположение угля и костных остатков совпадает, скопление костей перекрыто деревянными плахами. Это позволяет предполагать использование древесины в качестве верхнего перекрытия.

Согласно коллекционной описи отщеп был найден на дне камеры. Локализация фрагмента наконечника стрелы по полевой и отчетной документации не ясна, однако из публикации следует, что наконечник был обнаружен в скоплении костей.

2. Отмечено различное взаиморасположение угля и осколков керамики: последние фиксировались как выше, так и ниже плах. Это могло объясняться изначальной локализацией черепков выше и ниже перекрытия, либо перемещением части фрагментов в процессе формирования или археологизации комплекса.

Разброс по глубинам был зафиксирован для второго скопления керамики, которое состояло из осколков сосуда 2. Следовательно, предполагая изначальную различную локализацию фрагментов скопления относительно перекрытия, мы допускаем целенаправленное разнесение двух частей одной емкости по разным уровням погребения. Исключать этот вариант нельзя, но он представляется маловероятным.

Второй вариант подразумевает изменение начальной локализации фрагментов.

Оценить вероятность перемещения черепков в ходе археологизации комплекса можно путем сопоставления их размеров и взаиморасположения. Второе скопление включают как небольшие (до 8-10 см²), так и крупные экземпляры (последние менее мобильны и выступают маркером изначальной локализации). Поскольку мы знаем лишь диапазон глубин для скопления в целом, нельзя исключать возможность перемещения мелких фрагментов в ходе археологизации комплекса: теоретически они могли занимать крайние по глубинам позиции.

Можно предположить, какие фрагменты залегали ниже прочих, исходя из наличия следов охры на их поверхности. Проведенный Е.Н. Дубовцевой анализ установил для всех рассмотренных экземпляров факт окрашивания от контакта с вмещающим слоем [Дубовцева, Тонкушина, Юдина и др., 2016, с. 65]. Максимум охристой засыпки был зафиксирован на дне камеры. Т.о. следы пигмента на осколках отра-

жают их близость к придонным слоям.

Пигмент был выявлен на 16 фрагментах второго скопления. Перераспределения материала по размерным группам в полученной выборке не наблюдается. Т.о., большинство «миграций» материала остается связывать с периодом формирования комплекса. В отношении второго скопления логично допустить перемещение материала вниз в ходе разрушения перекрытия.

Следовательно, инвентарь погребения – каменный и керамический материал – изначально занимал разные пространственные и, вероятно, смысловые позиции в рамках комплекса (на дне камеры / поверх перекрытия).

3. Фрагменты сосуда 1 (Рис. 1Б – 1) залегали компактно, их размеры варьируют от 2,5 см² до 28,25 см². Восстанавливается меньше половины площади емкости. Скорее всего, сосуд (принесенная в погребение часть сосуда) после падения/проседания был раздавлен элементами конструкции или грунтом.

Осколки сосуда 2 (Рис. 1Б – 2) представлены в трех скоплениях и разнесены на расстояние почти в метр. При этом везде представлены крупные и средние фрагменты. Описанная ситуация может объясняться изначальной фрагментированностью сосуда: как и в случае с первой емкостью, в погребение была помещена лишь часть изделия. Стоит также учесть отверстия на черепках емкости 2, которые, скорее всего, являются следами починки. Получается, сосуд активно использовался в быту, вероятно, вышел из употребления до момента формирования погребального комплекса и был принесен сюда уже в виде обломков.

Список источников и литературы

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Издательство ИАЭ СО РАН, 1996. 328 с.

Дубовцева Е.Н., Тонкушина М.О., Юдина Е.А., Косинская Л.Л., Остроушко А.А., Кулеш Н.А. Новые данные по первому погребению Барсовского II могильника (опыт комплексного анализа) // Седьмые Берсовские чтения: Сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательство КВАД-РАТ, 2016. С. 62-69.

Разгильдеева И.И. Палеолитические комплексы Западного Забайкалья: развитие методов планиграфического анализа // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 21-30.

Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М.: ИА СССР, 1991. 195 с.

Чемякин Ю.П. Новый могильник в Сургутском Приобье // Советская археология. №3. 1980. С. 276 – 280.

Юдина Е.А. Пространственный анализ распределения керамики в условиях отсутствия индивидуальной трехмерной фиксации находок (по материалам первого погребения Барсовского II могильника) // Международная археологическая школа в Болгаре: сб. Мат-лов конф. «Междисциплинарные исследования: достижения и вызовы». Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2017. С. 258–274.

Hiekkanen M., Seger T. Beyond post-holes: an investigation of pre-roman house remains at Mickels in Espoo, S. Finland // Fennoscandia archaeologica. (V). Helsinki, 1988. P. 21 – 33.

Jerand P., Linderholma J., Hedman S.-D., Olsen B.B. Spatial perspectives on hearth row site organisation in Northern Fennoscandia through the analysis of soil phosphate content // Journal of Archaeological Science: Reports. 5 (2016). P. 361–373.

Pesonen P. Hut floors areas and ceramics – analysis of the excavation area in the Rääkkylä Pörrinmökki settlement site, Eastern Finland // Fennoscandia archaeologica. (XII). Helsinki, 1995. P. 139 – 149.